

Я сидела возле открытого окна и, должно быть, в десятый раз перечитывала «Праздник, который всегда с тобой», причем так увлеклась, что вроде бы забыла, где я, собственно, нахожусь на самом деле, устала в книгу, уже некоторое время не переворачивая страницу, и предалась мечтам. Париж... Господи, хоть бы раз пройтись по его площадям, прокатиться по Сене на маленьком пароходе...

Раздался разбойничий свист, я вздрогнула, подняла голову, а потом вздохнула. Парижем и не пахло. Я — на своей кухне площадью пять квадратных метров, слева шкаф, справа холодильник, за окном передо мной вместо Эйфелевой башни трансформаторная будка, а рядом с ней клумба, на которой назло всем стараниям нашего дворника второй год ничего, кроме одуванчиков, не растет.

Я поставила чайник на плиту, для этого мне не пришлось даже подниматься со стула, еще раз взглянула в окно, точно всерьез надеялась, что двор стандартной «хрущевки» вдруг возьмет да и превратится в Елисейские Поля, еще раз вздохнула и заметила вслух:

— Не видать тебе Парижа как своих ушей.

Надо сказать, мечта увидеть Париж обосновалась во мне давно и крепко. В пятом классе я прочитала «Трех мушкетеров», и с тех пор Париж стал

для меня голубой мечтой. Я выросла, вносила в свою мечту кое-какие коррективы, а столица Франции становилась все желаннее. Временами мне казалось, что я малость свихнулась, но я тут же утешала себя: у человека должна быть мечта, иначе для чего тогда жить?

Судя по всему, моя мечта так и останется мечтой, потому что я с трудом представляла, каким образом могу ее осуществить. После окончания школы я поступила в педагогический институт, разумеется, на иняз, закончила его и оказалась в средней школе № 27, и только где-то через год сообразила, какого дурака сваяла. Сея разумное, доброе, вечное, о Париже следует сразу же забыть. Отправиться во Францию по турпутевке — нет денег. Допустим, меня пригласят в гости (когда я училась в институте, именно на это и рассчитывала), но даже на билет в один конец я вряд ли накоплю раньше, чем лет эдак через десять. Почти половину зарплаты я отдавала за «хрущевку», в которой жила, а второй половины едва хватало на то, чтобы с трудом дотянуть до следующей полочки.

В общем, оставалось лишь одно: смотреть на трансформаторную будку и делать вид, что это Эйфелева башня, чем я и занималась в настоящий момент. Кроме того, в этот же момент я находилась в отпуске. Вчера я вернулась с дачи, где гостила две недели у подруги, денег у меня кот наплакал, потому что я купила себе демисезонное пальто, а значит, остальные дни отпуска обещают быть весьма плодотворными по части соображений, как протянуть до зарплаты, которая будет только осенью.

На плите фыркнул чайник, а я, решив утешить себя, достала шоколад, припрятанный для гостей,

и, с грустью глядя на клумбу с одуванчиками, весь его съела, запила чайком и сказала:

— Может, мне повезет и я выйду замуж за миллионера.

Идея свежая, а главное, легко осуществимая: пятеро моих подруг уже несколько лет тоже мечтали об этом. Беда в том, что в нашем районе миллионеры водились неохотно и напоминали привидений: все о них говорят, но никто их не видел.

Я вздохнула в третий раз, захлопнула книгу и посоветовала себе отправиться на пляж — день обещает быть жарким, и чем забивать себе голову разной чепухой, лучше позагорать, тем более что это развлечение не стоит ни копейки.

Я поднялась из-за стола и в этот момент увидела нечто совершенно необыкновенное: в нашем дворе показалась машина, белоснежная и элегантная. Ранее ничего подобного видеть мне не приходилось. Я до неприличия широко открыла рот, сообразив, что это, должно быть, тот самый миллионер, о котором я только что мечтала. А у кого же еще может быть такая шикарная машина? Испытывая огромное любопытство (кому-то ведь счастье привалило, раз миллионеру что-то понадобилось в наших трущобах), я влезла на подоконник и едва не вывалилась из окна. Впрочем, у меня первый этаж, а разбиравшее меня любопытство было сильнее страха заполучить незначительные увечья.

Белоснежное чудо достигло стоянки на углу нашего дома и пристроилось по соседству с мусорными баками. Дверца распахнулась, и из машины показалась женщина с платиновыми волосами, в голубом костюме, в голубеньких босоножках и с довольно вместительной сумкой в левой руке. Она немного постояла, разглядывая наш двор, и направилась к моему подъезду, а машина не спеша тро-

нулась с места и вскоре исчезла за углом. Если миллионер и заглянул в наш двор, так мне от этого мало радости, коли у него уже есть подружка. Женщина как раз подошла к подъезду, и я с удивлением узнала в ней Катьку, свою сестру. Тут и она заметила, что я торчу в окне, и крикнула весело:

— Привет. Ты чего, окна моешь?

— Нет, котов гоняю, — пробормотала я и пошла открывать дверь.

Надо сказать, что с родной сестрицей мы виделись от случая к случаю и без особой охоты. Катька на четыре года старше меня. Когда мы были маленькими, она заставляла меня мыть посуду, убираться в квартире, за что я ее люто ненавидела, так как от природы была довольно ленива. Повзрослев, Катька посылала меня с любовными записочками к своим приятелям, а если я отказывалась, таскала за волосы. Любви к ней во мне это не прибавило. Училась Катька плохо, целыми днями валялась на диване, листая глянцевого журналы, и каждые пять минут повторяла: «Куплю себе такую тачку... куплю себе такую шубу...» — до тех самых пор, пока я, потеряв терпение, не запускала в нее подушкой, после чего Катька либо замолкала, либо швыряла подушку в меня, и мы отчаянно дрались.

Мама, глядя на старшую дочь с недоумением, повторяла: «В кого только ты у нас такая?» Сама она всю жизнь проработала в школе учительницей начальных классов и о «тачках» и шубах даже не мечтала, имея на руках двух девчонок, большую мать и тихоню-мужа, который в возрасте сорока лет всех нас удивил: оставил семейство и женился на лаборантке, работавшей с ним в одном отделе НИИ. Правда, мама получила кое-какое моральное удовлетворение — теперь, глядя на Катьку, она приговаривала: «Вылитый папаша, прости господи».

С трудом закончив девять классов, сестрица поступила в швейное училище, через два месяца сообщила, что выходит замуж, уехала со своим избранником в неизвестном направлении и с тех пор жила отдельно, появляясь в родном городе весьма редко. Через некоторое время и я покинула родной город и уже начала забывать о том, что у меня есть сестра, когда вдруг получила от нее письмо, а вскоре и сама Катька возникла в нашей общаге, произведя настоящую сенсацию, ибо явилась на «трехсотом» «Мерседесе», в шубе из соболей и в компании молодого человека бандитского вида. В гостях они пробыли минут пятнадцать, и я уже было решила, что Катьку привели ко мне отнюдь не родственные чувства, а желание похвастаться: ведь все, что она когда-то присмотрела в глянцевых журналах, у нее теперь было, и я должна была это засвидетельствовать, но в последний момент сестрица, отправив спутника в машину, сунула мне в руки конверт и прошептала: «Спрячь. От этого зависит моя жизнь».

Следующие три месяца стали для меня сущим мучением. Конверт я спрятала, но не проходило и дня, чтобы я о нем не думала, пытаюсь отгадать, что же там такое? Конверт был тонкий, в нем лежал сложенный листок бумаги, а что на нем написано, прочитать было невозможно, не распечатав конверта, хотя я и старалась изо всех сил. Заглянуть внутрь я так и не рискнула, напоминая себе, что сестра мне доверилась и если б она хотела, чтобы я знала, то не стала бы запечатывать конверт, а коли уж она запечатала...

В конце концов я так разозлилась, что решила: в конверте нет ничего интересного, а Катька все придумала нарочно, чтобы я ломала голову и изнывала от любопытства.

Но тут явилась Катька, темной дождливой ночью, с многочисленными ссадинами на лице и руках и первым делом спросила:

— Конверт цел?

Отлеживалась она у меня дней пять, не пожелав ничего объяснить, и вновь исчезла, правда ненадолго: пожаловала на мой день рождения в компании очередного молодого человека бандитского вида, обнимала меня, называла сестренкой и даже подарила золотую цепочку и отбыла через полчаса на вишневом «Опеле». После этого я пришла к выводу, что жизнь Катьки в отличие от моей чрезвычайно насыщена событиями, и задавать вопросы перестала. Если сегодня она появилась на шикарном тачке, значит, дела у нее идут неплохо и беспокоиться нечего.

Я распахнула входную дверь, Катька вошла, бросила сумку на пол, огляделась, хмыкнула и сказала:

— Ну и сарай.

— Ага, — расцвела я в улыбке. — Но и он мне не по карману.

— Кто ж тебя просил в училки идти?

— Я ж не знала, что швей-мотористки миллионками ворочают.

— Ладно, — махнула рукой Катька, взяла меня за плечи и смачно расцеловала, я вытерлась ладонью, поморщилась, заметив ворчливо:

— Губищи-то накарсила... Ты опять на две минуты или хоть чаю выпьешь?

— Я надолго, — сказала она, заглядывая в комнату. — У тебя ведь отпуск?

— Конечно. Летние каникулы.

— Отлично. — Вслед за мной Катька вошла в кухню. Взгляд ее натолкнулся на книжку на подо-

коннике, сестрица усмехнулась и весело спросила: — Все о Париже мечтаешь?

— Мечтаю, — огрызнулась я.

— Понятно. Хочешь, куплю тебе путевку? Всего-то семьсот баксов.

— Да. — Я широко улыбнулась и спросила: — У тебя есть семьсот баксов и ты готова потратить их на меня?

— Ну... сестры должны помогать друг другу, — туманно ответила Катька, а мне стало ясно: она не так просто появилась у меня, что-то ей нужно, путевка в Париж нечто новенькое... В общем, следует быть настороже. — Я тут тебе кое-что привезла, — продолжила сестрица. — Хочешь взглянуть?

— Конечно, — хмыкнула я, мы вместе вернулись в прихожую за сумкой и втащили ее в комнату. Катька поставила сумку на диван и расстегнула «молнию». Кое-что оказалось шикарным брючным костюмом персикового цвета.

— Примерь, — сказала Катька. — Покупала на себя, думаю, тебе как раз.

Несмотря на четыре года разницы, мы с Катькой примерно одного роста и одной комплекции. В детстве считалось, что мы очень похожи. Возможно, что граждане были правы, но только не сейчас: Катька в шикарном костюме, с крашеными платиновыми волосами, с модной прической и дорогой косметикой, а рядом я: в шортах, майке, волосы зачесаны назад, очки в дешевенькой оправе... Словом, если мы и были похожи, то примерно как замарашка-Золушка на свою дражайшую мачеху. Я напялила костюм и с удовлетворением констатировала, что даже очки меня не портят.

— Блеск, — отойдя на пару шагов, кивнула Катька. — Очки сними.

— Я без них плохо вижу.

— Это потому, что книжки дурацкие читаешь. Какая тебе от них польза? Только глаза портишь.

— Чего тебе мои глаза, за свои беспокойся. За костюм спасибо, если это подарок, конечно, а если взятка, то выкладывай, чего тебе от меня надо.

— Кто ж так сестру встречает, дура? — надулась Катька, но ни чуточки не обиделась. Она стащила с меня очки и уставилась в зеркало, но смотрела не на свою физиономию, а на мою.

— Сама дура, — подумав, ответила я.

— Конечно, мы ж родственники, причем близкие. Слушай, тебе надо покрасить волосы.

— Не надо, — категорически возразила я. — Ни красить, ни стричь, потому что делать это надо регулярно, а у меня денег кот наплакал. Лучше я буду с хвостом ходить и с тем самым цветом, которым меня наградил господь.

— Папаша, — поправила Катька. — Это он у нас был такой пегенький...

— А ты сама-то какая? — скривилась я.

— Да я уж и забыла... — В этом месте Катька набрала в грудь воздуха и вдруг заорала: — Я забыл, какого цвета твой платок зеленый был...

— Чокнутая, — покачала я головой. — Обедать будешь? У меня есть пельмени и варенье к чаю.

— Пельмени? Буду.

Я сняла костюм и определила его в шкаф. Катька критически разглядывала меня, пока я дефилировала в одном белье, и заявила не без гордости:

— Фигура у тебя лучше моей. Мужики, поди, с ума сходят?

— Где они, мужики-то? — хмыкнула я. — Я в школе работаю. Коллектив дружный, за последние десять лет новички только я да Юлька, она физику преподает. Средний возраст преподавателей пять-

десять два года. Юлька высчитала, если не врет, конечно. Но и так заметно, что очень скоро без пенсионных торжеств дня не пройдет.

— Что ж ты, кроме своей школы, никуда не ходишь?

— Почему не хожу? Вот на пляж собиралась...

— Ясно, — вздохнула Катька и опять полезла с вопросами: — А парень у тебя есть?

— Пашка иногда заходит, но если честно, лучше б он к кому другому заходил.

— Это рыженький, нудный такой?

— Точно. Его три недели назад с завода уволили, и теперь он не просто нудный, он кого хочешь в гроб загонит.

— А больше новостей нет?

— Нет, — покачала я головой.

— Значит, ты в отпуске и совершенно свободна...

— И еще без денег, — добавила я. — А что ты там насчет Парижа болтала?

— Ничего я не болтала, — обиделась Катька, устраиваясь за столом, а я принялась варить пельмени. — Я ж знаю, у тебя мечта. А семьсот баксов для некоторых людей деньги плевые.

— Для тебя? — задала я вопрос. Катька уставилась в окно и вдруг заявила:

— Помоги мне, а?

Я потеряла нос, остерегаясь давать поспешные обещания.

— А чего делать-то?

Сестрица выразительно вздохнула, переведя взгляд на мою физиономию.

— Тут такое дело. Мужик у меня... не мужик, а розовая мечта или голубая, фиг ее знает, одним словом: конфетка. Денег куры не клюют. Зовет меня на Канары на десять дней.

— Здорово, — согласилась я, слегка завидуя чужому счастью. Правда, интересовал меня Париж, а Канары были совершенно безразличны, я даже толком не знала, где они находятся. Но совсем душой я не была и слышала, что Канары — это круто, и с мужиком Катьке вправду повезло.

— Он женат, — заявила сестрица без энтузиазма.

— Кто? — нахмурилась я.

— Мужик этот, естественно. А его жена сушая стерва. Вечно его выслеживает. Короче, она подозревает, что мы с ним...

— Это плохо, — посочувствовала я.

— Еще бы... Развестись с ней он сейчас не может, у них общий бизнес и все такое. Сказал, что едет с друзьями на охоту, в тайгу. Она комаров до смерти боится и в тайгу не сунется, как бы ни подзревала. Там такая глухомань, о сотовой связи и не слыхивали... — Катька замолчала, с томлением глядя на меня, я моргнула и, не выдержав, сказала:

— Ну... по-моему, все отлично придумано.

— Так-то оно так, — пригорюнилась Катька, — но жена у него хитрющая, и, если окажется, что муж в тайге и я одновременно исчезла из города, ее и комары не остановят.

— И что? — насторожилась я, начав соображать, куда клонит Катька, но отказываясь в это верить.

— Ты могла бы мне помочь, — заявила она.

— Как? — хмыкнула я, уперев руки в бока, и чуть не проворонила пельмени, чертыхнулась, убавила огонь и покачала головой.

— У тебя отпуск, — вкрадчиво продолжила сестрица. — Какая разница, где тебе сидеть: на своей или на моей кухне? А меня ты здорово выручишь. Как только я вернусь, сразу же поедешь в Париж.

Если не веришь, я тебе деньги вперед дам — заказывай путевку хоть сегодня.

Я немного постояла с открытым ртом, швырнула ложку, которую до сего момента держала в руках, и спросила с обидой:

— Чего ты мелешь? — Надо сказать, Катькино обещание произвело на меня впечатление, а в Париж хотелось так, что во рту пересохло. Я жалобно вздохнула и неожиданно разлилась на сестрицу.

— Все очень просто, — добавив в голос вкрадчивости, начала она, почему-то переходя на шепот. — Тебе только и дел, что показываться на моей работе. Она придет, увидит тебя и успокоится. Заметь, все довольны: и гримза эта, и ты, и мы...

— Как же я на твою работу пойду? — не поняла я. — Что я там делать буду?

— Ничего. Я сейчас в отпуске и ты, естественно, тоже. Короче, работать не надо. Главное, чтобы эта его мымра тебя там увидела, если ей придет в голову охота проверить: в городе я или куда уехала.

— А где ты работаешь? — окончательно перестала я понимать что-либо.

— В ночном клубе, — ответила Катька.

— Кем? — испугалась я.

— У меня сольный номер.

— Танец живота, что ли? — ожидая самого худшего, допытывалась я, а Катька заявила:

— Нет. Я пою.

— Что ты делаешь? — Тут надо пояснить: вот уж чего сестрица совершенно не умела, так это петь. Кому это знать, как не мне, я закончила музыкальную школу, наша мама, добрая душа, любила устраивать детские праздники и всегда просила меня: «Оленька, разучите с Катей какой-нибудь романс», — и я честно старалась, пока не поняла:

не только романс, но и самую пустяковую песню про кузнечика Катька не в состоянии спеть без того, чтобы все не перевернуть. Оттого я сейчас и сидела с выпученными глазами, силясь понять, с чего это Катька вздумала так шутить. Должно быть, вид у меня был на редкость глупый, сестрица поморщилась, а я разозлилась: — Ты не умеешь петь.

— А кто умеет? — разозлилась в ответ Катька. — Я хоть на первый канал телевидения не лезу, хотя ничуть не хуже этих... Просто у меня денег нет... Ладно, это все ерунда. Главное, тебе надо каждый вечер появляться в кабаке, чтоб любая собака знала: никуда я не уехала.

— Ты точно спятила, — обиделась я. — Как же я буду сидеть в твоём кабаке? Ты что же, в парандже выступаешь?

— Глупость какая, нет, конечно.

— Тогда твои коллеги должны знать тебя в лицо и...

— Мы похожи, — хмуро заявила Катька.

— Возможно. Но не до такой же степени, чтобы принять меня за тебя.

— А ты постарайся. За семьсот баксов плюс... скажем, пятьсот баксов на расходы в Париже, ну и сто баксов сейчас, чтобы ты не чувствовала себя сиротой казанской...

— Ты что, в самом деле миллионера подцепила? — нахмурилась я.

— Разумеется. И если я поведу себя с умом, он бросит свою мымру и женится на мне, а Канары для этого самое подходящее место... Ты мне сестра и в таком деле просто обязана помочь, тем более что для тебя это ничегошеньки не стоит и даже наоборот. Заходишь каждый вечер в кабак, выпиваешь рюмку мартини и двигаешь дальше. Вовсе ни к чему с кем-то трепаться. А если начнут доста-

вать, не церемонься и просто посылай к черту, можешь мне поверить, никто не удивится. Главное, чтоб все знали: я в городе. У мымры в кабаке свои люди, они ей непременно донесут, что я в городе, а через десять дней я вернусь и ты поедешь в Париж. Ну, как? Я и краску для волос прихватила. Между прочим, я закончила курсы парикмахеров и сама себя стригу лучше всяких мастеров. Мы тебе сейчас такую прическу забацаем...

Вместо того чтобы послать сестрицу к черту, я стала прикидывать: смогу ли я в самом деле в течение десяти дней выдавать себя за другого человека так, чтобы никто этого не заподозрил? В институте я играла в студенческом театре. Между прочим, леди Макбет. В конце концов, если меня разоблачат, то это Катькина проблема — расхлебывать кашу, раз уж она ее заваривает. Десять дней лицедейства, а потом Париж...

Если честно, раздумывала я недолго, приключений в моей жизни не водилось, а тут вдруг такое: откажусь я, и что? Буду читать Хемингуэя, сидя у окна, ходить на пляж и мечтать о Париже, слушать сетования подружек, что вот, мол, лето кончится, еще один год из жизни долой, а он так ничем и не порадовал.

— Ну... — нетерпеливо сказала Катька, ухватив меня за руку. Я сглотнула и решительно ответила:

— Я согласна.

Следующие два часа мы занимались моим внешним видом. Сестрица покрасила мне волосы, после чего занялась прической и макияжем, строго-настрого запретив мне смотреть в зеркало, пока она не закончит. Когда же мы наконец вышли в прихожую и замерли возле большого зеркала, я была по-

трясена: как много все-таки значат тряпки, прическа и макияж. В первое мгновение меня ошарашил даже не тот факт, что я так похожа на Катьку, а то, что совершенно не похожа на себя.

— Господи, — пробормотала я и стала разглядывать свое отражение в зеркале. Конечно, сходство с сестрой не было полным, но, как правильно заметила Катька, мне ж не в тыл врага идти, и кому вообще надо меня разглядывать.

— Я там особо не распространялась, что у меня есть сестра, — заявила она. — Так что никому в голову не придет сомневаться, что это я собственной персоной сижу в кабаке. А ты не испытывай судьбу, показалась минут на десять и сматывайся. Главное, чтоб мырма была уверена: я в городе.

— Понятно, — кивнула я и поинтересовалась: — Когда мне приступить?

— Сегодня. Я тебе билет на автобус купила.

— А ты?

— А я у тебя переночую и завтра на Канары. Позвоню своему, и он приедет за мной. — Это меня слегка смутило, и я задала еще один вопрос:

— Ты на чем приехала?

— На автобусе, — не моргнув глазом, ответила Катька. Я едва не брякнула: «Чего ты врешь?», потому что своими глазами видела, как сестрица вышла из роскошной тачки. Но я тут же себя одернула: Катька и в самом деле могла приехать на автобусе, а уж потом остановила машину... Поэтому водитель и отбыл, не став ее дожидаться. — Вот мой паспорт... на всякий случай.

— А как же ты без паспорта? — удивилась я.

— У меня загранпаспорт имеется, этого вполне достаточно. Вот деньги. В паспорте мой адрес, а вот ключи. А теперь садись, я тебе кое-что покажу и кое-что растолкую. — Катька извлекла из своей

сумки пачку фотографий и разложила их на столе. — Эта гнусная морда — Юрий Павлович, хозяин нашего притона. Ты с ним особо не церемонься, почувствуешь, что ситуация напряженная, говори: «Да пошли вы все», и двигай дальше. Главное, не очень базарь с общественностью, потому как наших дел ты не знаешь, брякнешь чего и кто-то особо умный заподозрит, что тут нечисто. Прикинься пьяной или скажи, что зубы болят.

— Ты ж говоришь, что в твоём кабаке мне надо появляться по вечерам, да и то минут на десять. Что ж, за это время мне сто вопросов задать успеют?

— Нет, конечно. Тем более что я сама вопросы не задаю и чужие не приветствую. На всякий случай сообщаю... Мало ли что.

Катка продолжила инструктаж, а я хоть и была занята поглощением информации, все же слегка удивилась: ни о ком из своих многочисленных знакомых сестрица не сказала доброго слова.

— Слушай, а у тебя друзья есть? — не выдержала я.

— У меня? — хмыкнула Катка. — Пруд пруди. Только это такие друзья... баб остерегайся. Бабы приметливее мужиков, могут заподозрить. И еще. В наш кабак приличные люди не ходят — решишь с кем закрутить любовь, дождись меня. Все ясно?

— Конечно. — Я пожала плечами и, не удержавшись, спросила: — А тот тип, с которым ты на Канары едешь, он на фотографиях есть?

Катка засмеялась:

— Любопытно?

— Любопытно, — кивнула я.

— Вернемся, я тебя с ним познакомлю.

— Слушай, а как мы встретимся? — опять спросила я.

— Когда? — не поняла сестрица.

— Когда ты вернешься. Представь, я в этом самом кабаке...

— А... Ну это совсем просто. Как прилетим, я тебе звоню, а ты сидишь дома и меня ждешь. Можешь начинать перекрашивать волосы, хотя мой тебе совет: оставайся блондинкой. Я даже не ожидала, что ты будешь так шикарно выглядеть.

— Я тоже, — пришлось согласиться мне.

Мы выпили чаю, и через полчаса Катька отправила меня на вокзал. Не успела я покинуть родной двор, как проезжавший мимо джип скрипнул тормозами, открылось окно и парень с физиономией, похожей на репу, громко крикнул:

— Хочешь подвезу, детка?

— Спасибо, мне недалеко, — пробормотала я и стала высматривать такси. Через минуту возле меня вновь остановилась машина, на этот раз «Фольксваген», передняя дверь распахнулась, и парень лет двадцати пяти с улыбкой во весь рот заявил:

— Прошу.

— Я такси жду, — слегка смутилась я.

— Я и есть такси, — обрадовал меня парень. — Куда едем?

— На вокзал, — ответила я, устраиваясь рядом, «Фольксваген» лихо тронулся с места, вливаясь в поток машин на проспекте. Парень то и дело поглядывая на меня, продолжая ухмыляться.

В другое время я бы посоветовала ему смотреть на дорогу, а тут вдруг сама разулыбалась. Он доставил меня к автобусу и дал свой номер телефона. Я клятвенно обещала позвонить, как только вернусь от сестры.

— Вот и женихи пошли, — усмехнулась я, устраиваясь возле окна и махнув рукой парню на прощание. Неожиданно это развеселило меня, я зажмурилась и подумала: «Настоящее приключение»...

Но тут что-то похожее на занозу кольнуло меня: я всегда была тихоней, звезд с неба не хватала, до парней и всяких там авантюр у нас Катька охоча, а я не Катька, и все, что я сейчас делаю... «Да заткнись ты», — посоветовала я самой себе. В этот момент автобус тронулся, я посмотрела в окно и рассудила, что теперь поздно что-либо менять, а потом пожелала себе удачи.

До города, где обреталась сестрица, я добиралась четыре часа. Бывать там раньше мне не приходилось, оттого, высадившись возле двухэтажного здания автовокзала, я с интересом огляделась. Площадь, впереди на холме древний собор, купола в лучах заходящего солнца отливают золотом.

— Хорошо, — вздохнув полной грудью, сказала я и направилась к стоянке такси. Через двадцать минут я стояла во дворе трехэтажного дома, построенного совсем недавно. Если честно, до этой поры видеть такие дома мне не приходилось, я имею в виду воочую, хотя я знала, что такое бывает и... — Зануда, — сказала я себе и принялась искать нужный мне номер на двери. Дом был десятиквартирный, у каждой квартиры свой отдельный выход на улицу и в гараж. Домофон, а на нужной мне двери был еще и молоточек вместо звонка, правда звонок тоже был, и я позвонила; как-то не верилось, что Катька может жить в таком доме. Потоптавшись на месте и убедившись, что открывать мне никто не собирается, я достала ключи и дрожащей рукой вставила их в замок. Что-то щелкнуло, и дверь открылась, я осторожно вошла.

На первом этаже был гараж и большой холл, на втором гостиная и кухня, а на третьем две спальни. В огромной гостиной лишь мягкая мебель да теле-

визор, даже штор на окнах не было, чувствовалось, что хозяйка вселилась сюда недавно и как следует не обжилась, но и с минимумом мебели квартира выглядела шикарно. Я опять-таки усомнилась, что она принадлежит Катьке, вынула паспорт и проверила прописку: улица Комсомольская, дом семь, квартира три. Неужели такую квартиру можно заработать пением в кабаке? Может, и можно, но при условии, что вместо Катьки поет какая-нибудь поп-звезда, но та вряд ли согласится на кабак. В общем, появление у сестрицы шикарной квартиры осталось для меня загадкой. Ладно, встретимся, и я непременно спрошу...

Потратив на осмотр квартиры минут сорок, я вспомнила, что входная дверь до сих пор открыта, а ключи торчат в замке. Я кубарем скатилась в холл, злясь на себя и мысленно обзывая себя растяпой. Что, если ключей в замке не окажется? Буду сидеть до возвращения Катьки в ее квартире и добро сторожить, вот уж сестрица скажет мне «спасибо»... Я распахнула дверь и с сильно бьющимся сердцем выглянула: ключи торчали в замке.

— Слава богу, — пробормотала, я и только хотела захлопнуть дверь, как вдруг мое внимание привлекла машина. Стояла она возле тротуара чуть в стороне от Катькиных окон. Прямо напротив дома был парк с высоченными липами, а ближе к тротуару кусты сирени, опоясывающие парк по периметру. Так вот, синий «Опель» кой-то черт взгромоздился на тротуар, хотя дорога была совершенно свободна, и притулился за кустами. «Жулик, — испуганно решила я и торопливо захлопнула дверь. — Квартиры побогаче высматривает». Стрелой поднявшись в гостиную, я подкралась к окну, выходящему в парк, и осторожно выглянула. «Опеля» и в помине не было. «Куда ж он делся?.. — разволно-

валась я, распахнула створку окна и высунулась почти наполовину, но проклятушая машина как сквозь землю провалилась. — ...Меня испугался», — подумала я и почему-то испугалась сама.

Решив вернуть себе хорошее настроение, я отправилась на кухню. Выяснилось, что Катька жила по-спартански: холодильник пустой, а из продуктов во многочисленных шкафах роскошного гарнитура только соль, сахар и банка кофе.

— Что ж, выпьем кофе, — философски рассудила я, включила электрический чайник и направилась в ванную. Ванная произвела на меня неизгладимое впечатление: огромная, круглая, с гидромассажем, слева душевая кабина, на полу ковер, белый, голубыми цветами. Я взвизгнула, бог знает чему радуясь, и открыла кран с горячей водой, вернулась в кухню, заварила кофе, прихватила фотографии из сумки и со всем этим добром переместилась в ванную. Следующие двадцать минут были самыми счастливыми в моей жизни. Я прихлебывала кофе, лежа в мыльной пене, рассматривала фотографии, бормоча имена и фамилии Катькиных знакомых, и без причины то и дело улыбалась. Даже Париж на миг показался не таким уж заманчивым, у нас тоже неплохо, если...

В этот момент зазвонил телефон. Звонка я ни от кого не ждала и в первое мгновение испугалась, но тут же подумала: если у Катьки есть телефон, отчего б ему не звонить? У нее полно знакомых, а вот мне с ними разговаривать ни к чему, но тут же другая мысль пришла в голову: а вдруг это Катька? Я вскочила и бросилась на кухню, обмотавшись полотенцем, в спешке поскользнулась на мокрой плитке и грохнулась на пол, встала и с трудом доковыляла до телефона, сняла трубку и услышала короткие гудки. Мне стало так обидно, что я едва

не захныкала, почесала ушибленное место и только сделала два шага в сторону ванной, как телефон зазвонил вновь.

Я подскочила к нему и сняла трубку. Гнусавый мужской голос заявил:

— Жду не дождусь, радость моя, когда смогу расцеловать все пальчики на твоих ножках. — Я громко икнула, а голос на том конце провода продолжил: — Хочешь, заеду прямо сейчас?

— Вы не туда попали, — пискнула я и хотела бросить трубку, но гнусавый торопливо спросил:

— Кто это? Где Катрин?

Чтобы выиграть время, я тоже спросила:

— А кто ее спрашивает?

— Даниил Игнатьевич.

Ни про какого Данилу Игнатьевича я не слышала, Катька мне о нем не говорила, голос противный, и что я буду с ним делать, если он в самом деле припрется?

— Катерины нет, — вздохнула я.

— А где она? — «О господи, вот привязался».

— В парикмахерской, — ответила я первое, что пришло в голову.

— А вы кто?

— Я? Я соседка. — Тут я огляделась и сообразила, что в таких домах вряд ли соседи запросто заходят друг к другу, и торопливо добавила: — Живу в соседнем доме... Я Катерине Юрьевне по хозяйству иногда помогаю.

— Понятно. А Катрин мне ничего передать не просила?

— Нет, — ответила я.

— Но к отъезду она готовится?

Господи, да это никак сестрицын приятель, с которым она собралась на Канары. По голосу ему лет сто, на голубую мечту совершенно не похож.

Впрочем, это не мое дело, лишь бы Катьке нравил-
ся. Что ж ему сказать-то?

— Собирается, — вздохнула я. — Чемодан уже
приготовила.

— Значит, ничего не изменилось, я жду ее на
даче, как договаривались, около десяти.

Он повесил трубку, а я плюхнулась в кресло,
чувствуя, как пот градом стекает с моего лба. Какая
к черту дача? А может, они договорились там встре-
титься, ну, вроде бы как на конспиративной квар-
тире, а уж потом поедут на Канары. Но ведь Катька
собиралась ехать от меня? А если я все перепутала
и тип с гнусавым голосом вовсе не Катькина голу-
бая мечта? Ну, надо же... миссия, которая до этого
мгновения казалась забавной и легко выполнимой,
вдруг стала обрастать непредвиденными трудно-
стями. Я с этим типом только по телефону разгова-
ривала, и то едва не умерла от беспокойства, а что
же будет в ночном клубе?

Я перевела взгляд на часы, сердце мое сжалось,
а я поняла, если не хочу опоздать к указанному
Катькой времени, надо торопиться.

— О черт, — взывала я и кинулась в ванную,
затем в спальню, распахнула дверь шкафа и замер-
ла с открытым ртом. Чего здесь только не было...
Такие наряды я разве что в кино видела. Плохое
настроение с меня как ветром сдуло.

Я достала черный костюм, облачилась в него,
расчесалась, подумала и надела очки от солнца.
Очень трудно заподозрить во мне подделку, оста-
ется лишь голос, но, в конце концов, мне необяза-
тельно там с кем-то разговаривать.

Через полчаса, заскочив в магазин и вернувшись
с покупками, я вторично покинула квартиру и не-
решительно огляделась. В то, что Катька добирает-
ся на работу пешком, верилось с трудом. В гараже

стояли «Жигули» девятой модели, но мне от этого не легче, раз я ни разу не садилась за руль.

Я подумала, что надо бы вызвать по телефону такси, и совсем было собралась вернуться в квартиру, но тут из-за угла вывернула машина, проехала мимо, затем остановилась, сдала назад, дверь распахнулась, и парень с бородкой, радостно улыбаясь мне, спросил:

— Ты куда?

— Э-э... — начала я, а он мотнул головой и продолжил:

— Если в кабак, садись, подвезу, мне в ту сторону.

— Спасибо, — проблеяла я, садясь рядом с парнем и пытаясь решить, знакомы мы с ним, то есть они с Катькой? На фотографиях его точно не было. Он посмотрел на меня, подмигнул и предложил сигарету. Я не курила и лишь покачала головой, а он поинтересовался:

— Как жизнь? Давно тебя не видел.

— Нормально, — кашлянув, ответила я, стараясь подражать Катькиной интонации, но хорошо ли выходит, оценить не могла по причине сильного волнения.

— Выглядишь клево, — хмыкнул он. — Как там Мишка? — помолчав немного, вновь спросил парень, а я разозлилась, потому что ни о каком Мишке знать не знала, и рявкнула:

— Отвяжись...

— Да ладно, — пожал он плечами. — Я ведь так спрашиваю... Я в чужие дела не лезу, хотя на Мишкином месте горячку пороть бы не стал.

— Заткнулся бы ты, честное слово, — не выдержала я, а он вдруг начал тормозить, только я решила, что бородатый разозлился и вознамерился выкинуть меня из своей машины, как с правой сто-

роны увидела неоновую надпись «Ночной клуб «Лейла». Как раз в этом заведении пела моя сестрица, и я, буркнув «спасибо», поспешно вышла.

Хоть Катька и называла заведение кабаком, а вслед за ней и ее приятель, чье имя осталось для меня неизвестным, но, по крайней мере, снаружи клуб выглядел респектабельно. Старинное двухэтажное здание в центре города, крыльцо с большим козырьком доходило прямо до проезжей части, так что, выйдя из машины, сразу оказываешься под крышей. Чуть дальше охраняемая стоянка, фонари, имитировавшие газовые, весь фасад в огнях, дубовая, наполовину застекленная дверь, а рядом с ней швейцар в ливрее.

— Ничего себе, — пробормотала я с легким намеком на панику, вздохнула и направилась к двери, решив держать себя в руках.

Швейцар при моем приближении взял под козырек и распахнул дверь, на вид ему было лет шестьдесят.

— Добрый вечерочек, Катрин, — сказал он.

— Добрый... — начала я и взвизгнула от неожиданности: старый хрыч больно ущипнул меня. Только я собралась заехать ему сумкой по носу, как прямо перед собой увидела Юрия Павловича, высокого, лысого, с невероятно оттопыренными ушами, хозяина данного заведения.

— О, Катерина, — сказал он, увлекая меня в холл. — Очень кстати. Зинка на работу не вышла, придется тебе.

— Я не могу, — прохрипела я, ткнув указательным пальцем в свое горло. — Охрипла.

— Вот черт... Что ж вы меня без ножа режете?

— Между прочим, я в отпуске, — напомнила я.

— Какой к черту отпуск? — рявкнул он. — Говорю, Зинка не вышла, вы что хотите... — Тут дверь за моей спиной хлопнула, и в холл, точно ураган, влетела девица с огненно-рыжими волосами, в каком-то совершенно невероятном платье салатного цвета. — Где тебя черти носят? — напустился Юрий Павлович на вновь прибывшую.

— Юрик, все будет, — пьяно ухмыляясь, заявила Рыжая. — Двадцать минут, и я в полном порядке.

Девица исчезла в боковом коридоре, а Юрий Павлович длинно выругался ей вслед, взглянул на меня и махнул рукой, а я приборомотала:

— Я-то здесь при чем?

Юрий Павлович заспешил по тому же коридору, а я принялась вертеть головой, потому что совершенно не знала, куда идти дальше. На счастье, в холле появилась молодая пара, я ненадолго задержалась возле зеркала, а затем направилась вслед за ними и оказалась в баре. За высокой стойкой работали два бармена, вдоль стен стояли круглые столики с бумажными фонариками, играла тихая музыка. Что ж, по-моему, очень симпатично. Я взгромоздилась на стул возле стойки, подмигнула бармену и лишь после этого сообразила, что на мне защитные очки, чертыхнулась, но снять их не рискнула. Бармен приблизился и спросил с улыбкой:

— Как обычно?

— Да, — кивнула я и принялась осторожно разглядывать публику.

Народ потихоньку прибывал, вскоре свободных столиков уже не осталось. Слева от меня виднелась арка, дальше зал ресторана, рядом со стойкой еще одна арка, на этот раз в игорный зал. Со своего места я видела стол с рулеткой, а возле него

внушительное количество граждан. Правда, лишь немногие делали ставки, публика в основном любопытствовала. Тут я вспомнила совет Катьки обязательно сыграть в первый же вечер, сестрица утверждала, что новичкам везет. «А вдруг и вправду повезет?» — подумала я и отправилась за фишками.

— Решила испытать удачу? — улыбнулась мне девушка, звали ее Лена. Увидев знакомое лицо, я так обрадовалась, что тоже разулыбалась, едва справившись с соблазном постоять немного рядом с ней и поболтать.

Получив фишки, я прошла к столу и некоторое время наблюдала за игрой. Ничего мудреного. Упитанный дядька с бабочкой поднял на меня взгляд и спросил:

— Будешь ставить?

Только я собралась ответить, как кто-то толкнул меня под локоть, фишки упали и рассыпались по полу.

— Извините, — услышала я приятный мужской голос, повернулась и в двух шагах от себя увидела молодого мужчину в костюме и голубом свитере. Он торопливо наклонился, собрал фишки и протянул их мне.

— Спасибо, — пролепетала я. Надо сказать, парень произвел на меня впечатление. Высокий, темноволосый, с ярко-синими глазами и едва заметной ямочкой на подбородке. Любое рекламное агентство оторвало бы его с руками с таким-то лицом и фигурой. Держался он с достоинством, одет был со вкусом, и если на свете существовал мужчина моей мечты: так вот он, передо мной. Слабая улыбка тронула его губы.

— Мы, кажется, незнакомы, — сказал он, взял меня за руку и сообщил: — Меня зовут Илья.

— А меня...

— Я знаю. Вы Катрин. Я наблюдал за вами несколько вечеров... если честно, попав в этот клуб случайно, я уже вторую неделю хожу сюда из-за вас.

Хорошее настроение мигом улетучилось. Ну, Катька... впрочем, сестрица теперь далеко, и с этим парнем она даже незнакома.

— Вы шутите? — улыбнулась я.

— Нет. Я серьезно. Вы очень красивая.

— Девушке всегда приятно слышать такие слова, знать бы еще, искренне ли вы это говорите?

— В моей искренности вы можете быть абсолютно уверены.

— Спасибо, — брякнула я, кашлянула и попыталась вспомнить, что собиралась делать минуту назад. Илья вновь пришел мне на помощь.

— Собираетесь поставить? — спросил он, кивнув на фишки.

— Да, думаю проверить удачу.

— Пожалуй, составлю вам компанию.

Мы сделали ставки и в самом деле выиграли. Пока шарик крутился, я стояла замерев, приоткрыв рот, и не сразу сообразила, что намертво вцепилась в руку Ильи. Впрочем, он, как видно, не возражал. Когда возвестили о нашем выигрыше, Илья пожал мне руку и широко улыбнулся.

— Я знал, что с вами мне повезет. Продолжим?

Я пожалала плечами, если честно, игра меня не очень привлекала, к деньгам я относилась слишком серьезно, чтобы вот так просто ими рисковать. Удачу я проверила, убедилась, что пословица «новичкам везет» права, и интерес к игре потеряла, но расставаться с Ильей мне не хотелось, а как продолжить беседу, отказавшись играть, я не знала. После недолгого колебания я кивнула.

— Отлично, — улыбнулся он и взял меня за локоть.

Нам фантастически везло. Илья смотрел на меня с нежностью и делал ставки, продолжалось это никак не меньше часа, взгляд его становился все пристальнее, все откровеннее, а я вроде бы покраснела, не то от этого взгляда, не то от волнения. Я повизгивала от восторга, когда мы в очередной раз выигрывали, прижималась к его плечу, в общем, вела себя как последняя дура и не сразу сообразила, что атмосфера в игорном зале изменилась: теперь вокруг нашего стола толпились люди, практически все, кто присутствовал здесь в тот вечер и следил за игрой: любой звук в наступившей тишине казался громоподобным. Я с удивлением огляделась и вдруг услышала:

— Двадцать тысяч.

Илья повернулся ко мне и с этой своей роскошной улыбкой спросил:

— Рискнем?

— Что? — не поняла я.

— Делайте свои ставки, — равнодушно сказал дядька в бабочке, но взгляд его был напряженным. Илья сжал мои пальцы и опять спросил:

— Рискнем? Я уверен, ты принесешь мне удачу.

— А-а... — начала я, теряясь в догадках, что, черт возьми, происходит.

— На все, — кивнул Илья.

— Ставки сделаны.

Шарик покатился, а я перевела очумелый взгляд со стола на лицо Ильи и подергала его за рукав. Он сделал мне знак молчать, публика вокруг затаила дыхание, шарик наконец остановился, и все дружно вздохнули:

— Ах...

Илья победно улыбнулся.

— Отлично.

— Мы выиграли? — немного придя в себя, спросила я.

— Разумеется.

— Много?

— Твой выигрыш двадцать тысяч.

— Это как, новыми? — растерялась я и пунцово покраснела.

— Конечно, — спокойно кивнул Илья. — Думаю, это стоит отметить.

На негнущихся ногах я отправилась вместе с ним в сторону бара, силясь прийти в себя. Мама моя, двадцать тысяч, да мне за них работать надо два года... И вот так запросто, в течение часа выиграть сумасшедшие деньги. Быть такого не может! Илья заказал мартини, поднял свой бокал и провозгласил:

— За удачу. И, конечно, за наше знакомство.

— За удачу, — проямлила я, поглядывая по сторонам. Мне очень хотелось узнать, выдадут ли мне деньги, а если да, то когда именно и что для этого необходимо. Словно отгадав мои мысли, Илья подмигнул мне и спросил:

— Ну что, пойдём за выигрышем?

Я только пожала плечами, потому что от волнения была не в состоянии говорить. Через несколько минут перед моим носом оказалась пачка денег, Илья равнодушно сунул свою часть в карман пиджака, а я дрожащей рукой взяла свою, повертела ее и убрала в сумку, а потом тревожно огляделась: не хватало только, чтобы меня ограбили. Двадцать тысяч — это ж целое состояние.

— Поедем куда-нибудь или поужинаем здесь? — спросил Илья.

— Здесь, — только и смогла ответить я, с трудом разжав челюсть.

Мы отправились в ресторан. Почти все столики были заняты, но нам нашлось место недалеко от небольшой эстрады.

— Мы выиграли сорок тысяч? — не удержалась я.

— Да.

— И вот так запросто их получили.

— Я думаю, Юрий Павлович сейчас неважно себя чувствует. Но такое иногда случается, и он, безусловно, переживет потерю.

— И часто вы так выигрываете?

— Почему бы нам не перейти на «ты»?

Тут я вспомнила, что он в самом деле уже перешел, еще там, возле стола с рулеткой, и кивнула.

— Конечно. И часто ты выигрываешь?

— Нет. Я не игрок по натуре. Просто сегодня, когда мы наконец познакомились, я вдруг понял, что мне повезет, ну и вот что из этого вышло.

Я улыбнулась и почувствовала себя гораздо спокойнее. Конечно, здорово за один вечер выиграть такие деньги, но ведь мы могли и проиграть, и что бы я сейчас делала? От одной этой мысли мне стало не по себе, и я зябко поежилась. Подошел официант и подал мне меню, я заглянула в него и едва не свалилась со стула: выигранных двадцати тысяч надолго не хватит, если питаться здесь...

— Что-нибудь выбрала? — спросил Илья.

— Если честно, я совсем не голодна.

— Здесь отлично готовят форель...

— Да, я знаю... — «Дьявол поberi этот кабак и мою сестрицу в придачу», — подумала я.

— Не возражаешь, если я закажу для тебя форель и еще вот эту закуску? И, конечно, шампанское.

— Не возражаю, — кивнула я, точно зная, что закуска за такие-то деньги встанет комом в моем

горле. На мое счастье, как раз в этот момент на эстраде вспыхнули фонарики, освещение в зале слегка притушили, а из-за бархатной портьеры слева появилась девица, та самая Рыжая, что столкнулась в холле с Юрием Павловичем.

— Добрый вечер, господа, — сказала она, слышались негромкие хлопки, девушка улыбнулась и продолжила: — Я очень рада, что вы сегодня с нами. Я благодарю вас за теплый прием... — Пока она говорила, музыканты заняли свои места, Рыжая в крохотном платье с голой спиной откинула назад голову, сцепила руки и запела что-то в высшей степени жалостливое. Не знаю, как пела моя сестра, но эта пела из рук вон плохо. Однако публика то ли привыкла, то ли попросту не обращала на нее внимания. По крайней мере, никто не выразил неодобрения.

Нам принесли заказ. Илья некоторое время молчал, глядя на певицу, и заявил:

— Она тебе в подметки не годится. Просто удивительно, что Юрий согласился взять ее... Впрочем, то, что она так бездарна, тебе лишь на пользу, никакого намека на конкуренцию.

— Ты так думаешь? — улыбнулась я.

— Конечно. — Он взял мою руку и поцеловал, а я опять покраснела. «Господи, ну нельзя же быть такой дурой...»

— А можно узнать, чем ты занимаешься? — пытаюсь скрыть замешательство, спросила я. — Разумеется, когда не играешь в рулетку?

— Я? Я совершенно обычный российский бизнесмен. Очень скучный, много времени проводящий в кабинете, погрязший в деловых бумагах и прочей ерунде.

— Ни за что бы не подумала.

— Да? А что ты подумала?

— Не знаю, если честно, — растерялась я, — но очень трудно представить тебя за письменным столом, в скучном кабинете.

— Тем не менее это так. Иногда я позволяю себе немножко расслабиться, но тридцать дней в месяце я здравомыслящий дядя, без малейшей склонности к авантюрам. Ужасно, правда?

— Почему же... В каждой работе есть свои плюсы и минусы.

— Да-да, конечно. А тебе нравится твоя работа?

Я едва сдержалась, чтобы не брякнуть: «Платят мало», вовремя сообразив, что Илья имеет в виду вовсе не работу учительницы, неожиданно разозлилась, потому и ответила:

— Не очень. Честно говоря, я мечтаю выйти замуж за бизнесмена и бросить этот дурацкий кабацк к чертям собачьим. — Я широко улыбнулась, ожидая реакции Ильи. Реакция не замедлила последовать.

— Ты прелесть, — заявил он и вновь поцеловал мне руку. Не знаю, что такого прелестного он обнаружил в моем ответе. Пока я размышляла над этим, возле нашего стола появился Юрий Павлович. Лысина его блестела от пота, он то и дело вытирал ее платком, глазки бегали, хищно посверкивая, а на губах играла довольно противная ухмылка.

— Как тебе Зинка? — пропел он, кивнув на Рыжую.

— Я только что сказал Катрин, что она ей в подметки не годится, — вмешался в разговор Илья.

— Я тоже так думаю. Ни кожи, ни рожи... — Говоря это, Юрий Павлович сунул руку под скатерть и ухватил меня за коленку, а я легонько захватила ему локтем в бок. Конечно, он хозяин этого

притона, но я-то к нему никакого отношения не имею и всякие гнусности терпеть не собираюсь, а если подпорчу Катьке карьеру, так виновата в этом только она, нечего было затевать это дурацкое переодевание.

Юрий Павлович слабо охнул и заметно скривился, а я улыбнулась и сказала:

— Извините, я такая неловкая.

— Ничего, ничего, — прошипел он. Илья изо всех сил старался не смеяться и на всякий случай отвернулся к эстраде. — А я ведь, собственно, к вам, Илья Петрович, — ласково заговорил Юрий Павлович, как только смог отдышаться. — Нельзя ли вас отвлечь минут на пять, пройдемте в мой кабинет, буквально на три слова...

— А эти три слова вы здесь сказать не можете? — удивился Илья.

— Я-то могу. — Голос хозяина стал слаще меда. — Да боюсь, вам это не понравится. Так что будьте так любезны... — Юрий Павлович стукнул себя ладонью по лбу, точно неожиданно что-то вспомнил, и, наклонясь ко мне, пропел: — Поздравляю с выигрышем, Катрин. Такая удача, такая удача...

Илья поднялся из-за стола, насмешливо улыбаясь, но во взгляде его мелькнуло что-то похожее на беспокойство. Они скрылись за одной из портьер, а я попробовала сосредоточиться на репертуаре Рыжей. Теперь она исполняла романс, сцепив руки над головой и вращая тазом немного не в такт музыке. Издалека это можно принять за танец живота, но музыкальное сопровождение немного смущало. Я нахмурилась, наблюдая все это, и некоторое время сидела озадаченная, после чего торопливо съела форель. Илья все еще не возвращался. Правда, прошло совсем немного времени, а я,

оглядев зал, подумала, что не худо бы посетить дамскую комнату.

С этой целью я поднялась из-за стола и попыталась ее обнаружить. Делом это оказалось нелегким, я немного поплутала в коридорах — никакого намека на туалет. Спрашивать кого-либо я поостереглась: раз уж предполагалось, что я здесь работаю, то такие вещи должна знать.

Я добралась до лестницы и не спеша, точно прогуливаясь, поднялась на второй этаж. Здесь тоже были коридоры и несколько дверей, на одной из них имелась вожделенная табличка, и я ходко устремилась туда, но где-то на середине пути притормозила, а затем и вовсе замерла: из-за ближайшей ко мне двери раздавались голоса, один, вне всякого сомнения, принадлежал хозяину клуба, а другой Илье.

— Я не собираюсь больше ждать, — визгливо выговаривал Юрий Павлович. — Вместо благодарности за мое терпение...

— О чем это ты? — удивился Илья. — Не можешь пережить потерю сорока тысяч? Брось, Юрик, ты на мне заработал гораздо больше.

— Это мои деньги... черт... что ты из себя строишь? Слышал поговорку: «На каждого мудреца довольно простоты»? Ты сколько угодно можешь пудрить мозги своей жене, может, ей это нравится, а может, она в самом деле такая дура, но меня тебе не облапошить...

Меня точно обдало холодным душем, выходит, Илья женат, а я-то обрадовалась... В этот момент дверь с шумом распахнулась, а я кубарем скатилась с лестницы, забыв про туалет, и внизу почти нос к носу столкнулась с Рыжей.

— Чего вытаращилась? — ядовито спросила она.

— Да пошла ты... — рывкнула я, влетела в зал, плюхнулась на свое место и залпом выпила бокал шампанского. Через пять минут появился Илья, улыбался он очень мило, и чувствовалось, что жизнь его устраивает, вот и верь людям после этого. — Что понадобилось от тебя этому старому козлу? — спросила я, пылая жаждой мести за утраченные иллюзии.

— А... совершенно глупый разговор. Кое-какие общие дела, спорные вопросы, в бизнесе это часто бывает.

— У вас общий бизнес? — решила я не сдаваться.

— Я ведь сказал: кое-какие дела. Забудем об этом. — Илья все еще улыбался, но теперь смотрел на меня настороженно, точно пытался отгадать, что происходит в моей черепной коробке. В ней много чего происходило, но все происходящее можно было легко свести к одной мысли: «Все мужики свиньи. А вот такие, как этот Илья, в особенности». Я налила еще бокал шампанского и выпила, глядя на своего спутника без малейшего удовольствия. — Что-нибудь случилось? — поднял он брови.

— Нет. Просто не люблю, когда меня оставляют одну.

— Прости, но это не моя вина... — Он продолжил распинаться в том же духе, а я сидела, чуть не плача. Во-первых, ужасно хотелось в туалет, во-вторых, так и подмывало сказать ему, что он сукин сын и притворщик. А я еще десять минут назад мечтала о том, что это случайное знакомство перерастет в нечто большее... И вот тебе, пожалуйста. Не знаю, как долго я бы еще сидела, злясь на весь свет и страдая, но тут обратила внимание на то, что время от времени кто-то из граждан, сидящих в зале, удалялся за ширму слева от входа, и я сообразила,

что там находится туалет, обрадовалась, резво поднялась, сказала «извини» и потрусила в том направлении.

Выйдя из кабинки, я вымыла руки, а затем уставилась на себя в зеркало. В солнцезащитных очках я в настоящий момент выглядела нелепо и так прямо себе об этом и сказала, но снимать их все-таки поостереглась, покачала головой, вздохнула и уже собралась покинуть комнату, как дверь распахнулась, явив моим очам Юрия Павловича. Он плотоядно усмехнулся, протиснулся в умывальную, запер дверь на задвижку и шагнул ко мне.

— Солнышко мое... — Я еще не успела сообразить, в чем дело, а он уже втиснул меня в узкое пространство между раковинами, сунул одну руку мне под пиджак, а второй обнял за плечи. — Радость моя, как я соскучился...

На мгновение я лишилась дара речи, затем решительно сбросила его руки и рявкнула:

— Ты что, очумел?

— Ах, мы сегодня не в духе... скажите, пожалуйста... фу-ты, ну-ты... — Он попытался устроить свои руки на моей груди, а я, схватив с пола ведро для использованных полотенец, сказала сурово:

— Вот сейчас как врежу...

Юрий Павлович попятился и спросил обиженно:

— Ты чего?

— Еще раз подойдешь ко мне... в туалете... я тебя изувечу.

Швырнув ведро и одернув пиджак, я поспешно покинула комнату, стуча зубами от страха и возмущения.

— Прямо сумасшедший дом какой-то... ну, сестрица...

Илья ждал меня за столом, я стремительно подошла, на ходу подзывая официанта:

— Еще шампанского.

— Я вижу, ты решила отметить выигрыш по полной программе, — с легким намеком на беспокойство заметил Илья.

— Точно. Ты можешь мне составить компанию, если захочешь. — «А если нет, — чуть не добавила я, — убирайся к своей жене».

— С удовольствием, — улыбнулся он.

Вторая бутылка опустела довольно быстро, я сидела, поглядывая из-под очков и пытаюсь сосредоточиться на происходящем. Пить шампанское бутылками мне до той поры еще не приходилось, и я даже не подозревала, что оно может произвести такой эффект. Скорее всего я бы просто уснула на стуле или на худой конец скатилась под стол, но тут нелегкая принесла к нашему столику рыжую певичку.

— Как тебе мое пение? — спросила она меня, при этом глядя на Илью и зазывно улыбаясь.

— Это не пение, — ответила я. — Это кошачий визг в начале марта.

— Скажите на милость, — вспыхнула девица. — Тоже мне, Тина Тернер. Да у тебя и голоса-то сроду не было, и здесь ты задницей крутишь только благодаря...

— Голос у меня есть, — перебила я. — Еще какой. Я могла бы поступить в консерваторию, мои учителя как раз это и советовали.

— Учителя... А гувернантки у тебя случайно не было?

— Гувернантки? — Я попыталась вспомнить, отчетливо икнула и сказала правду: — Нет, гувернантки не было. Но петь я умею в отличие от тебя, и вообще: иди отсюда.

— Сама иди... петь она умеет, чего ж тогда не поешь?

— Хорошо, — пожала я плечами, с трудом соображая, что делаю. — Сейчас спою. — Поднялась из-за стола и, нетвердо ступая, направилась к эстраде.

На переговоры с музыкантами ушло минут пять, что я им говорила, помню смутно, в себя я пришла, лишь когда заиграла музыка, и тут до меня дошло, что я стою на эстраде, вокруг сидят люди и все, между прочим, смотрят на меня. Совсем рядом Рыжая, которая все это затеяла, и лысый Юрик, мой злейший враг на сегодняшний день. «Чтоб им всем провалиться, — с отчаянием подумала я. — Сестрице в первую очередь». И запела. На французском, любимую песню из репертуара Патрисии Каас, все время ожидая, что вот-вот хлопнусь в обморок. Но я умудрилась не только не упасть, но даже допеть до конца.

— Все, — сказала я и удостоилась бурных аплодисментов. Рыжая стояла, открыв рот, а Юрий Павлович, взгромоздившись на сцену, сказал с обидой:

— Что ж ты раньше-то дурака валяла?

— Скромность украшает, — ответила я и поспешила покинуть эстраду. Со всех сторон мне улыбались и аплодировали, и лишь один Илья пребывал в задумчивости.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он тихо.

— Не очень. Как я пела, очень паршиво?

— Отлично. Слишком жирно для этого притона. Хочешь отвезу тебя домой?

— Хочу, — благодарно кивнула я, сообразив, что еще минут десять, и я точно окажусь под столом.

Он помог мне подняться и повел к выходу,

держа за локоть. Мы выбрались на улицу, я припала к столбу, поддерживающему металлический козырек крыльца, а Илья сказал:

— Подожди минуту, я подгоню машину.

«Господи, надо же так напиться, — сокрушалась я. — И что за черт меня погнал на эстраду. Катька меня убьет... я идиотка, к тому же пьяная, следовательно, идиотка вдвойне». Хлопнула дверь машины, я приоткрыла один глаз и вновь увидела Илью.

— Идем, — сказал он ласково, я припала к его плечу, на мгновение забыв, что он свинья и обманщик, затем вспомнила и всплакнула по этому поводу.

Вторично я пришла в себя уже возле своего дома, то есть возле Катькиного, конечно.

— Спасибо, — кивнула я, пытаюсь справиться с икотой. Илья вышел вместе со мной, помог отыскать ключи в сумке, открыл замок и подхватил меня на руки. — Э-э, — заволновалась я.

— Не дури, — сказал он исключительно нежно. Его голос напоминал журчание ручья (а может, это шампанское во мне урчало). — Ты даже не сможешь запереть дверь самостоятельно.

— Смогу, — попробовала возразить я, но как-то неуверенно. Он запер дверь и поднялся в спальню со мной на руках, ни разу не споткнувшись и даже не запыхавшись. Впрочем, своим наблюдениям я не особо доверяла. Как только моя голова коснулась подушки, я вздохнула с облегчением и мгновенно уснула.

Пробуждение было не из приятных, я сразу же вспомнила свою маму, которая любила приговаривать: «Хорошо застолье, да тяжело похмелье». С тру-

дом разлепив глаза, я слабо охнула и попыталась сообразить, где я. Воспоминания разом навалились на меня, и я застонала громче, затем повернула голову и едва не упала в обморок, то есть я бы, конечно, упала, если бы к этому моменту уже не лежала на постели по соседству с Ильей. Он крепко спал и даже похрапывал. С сильно бьющимся сердцем я приподняла одеяло, взглянула на него, на себя и едва не заорала в голос. Оба мы пребывали в костюмах далеких прародителей, то есть вовсе без оных. Даже фиговые листочки отсутствовали.

— Боже мой, — пролепетала я, прижав ладони к вискам, затем поднялась и, пошатываясь, устремилась в ванную, защелкнула замок и принялась сокрушаться. — Как я могла, господи, — повизгивала я, нарезая круги по пушистому ковру. — С совершенно незнакомым мужчиной, к тому же женатым... это просто отвратительно... не зря меня Катька предупреждала, и вот, пожалуйста. Надо же так напиться... Неужели это наследственное? Наш дед уходил в запой как минимум дней на десять... Может, я тоже алкоголик? А главное, ничего не помню, ну, ничегошеньки, хоть убей... какой стыд...

Вволю набегавшись, я в Катькином халате осторожно вышла из ванной. Кровать была пуста и даже аккуратно прикрыта розовым покрывалом. Может, господь услышал мои молитвы и все как-то прекратил?

Я закусила нижнюю губу, одновременно пытаюсь отдышаться, и вдруг услышала снизу:

— Катрин, спускайся, кофе готов.

«Сматываться надо, — в панике подумала я. — К себе в Кострому, и пусть здесь Катька сама как хочет выкручивается».

— Катрин, ты меня слышишь?

— Слышу, слышу, — пробормотала я, кину-

лась к зеркалу, торопливо расчесалась, затем так же торопливо перекрестилась и спустилась в кухню.

За огромным столом сидел Илья с чашкой кофе в руке и ласково мне улыбался. Слава богу, у него хватило ума одеться.

— Утром ты выглядишь еще прекраснее, — заявил он, а я вспомнила про очки, чертыхнулась мысленно и выжала из себя улыбку.

— Спасибо.

— Нет, в самом деле, — не унимался Илья. — Без грима ты лет на семь моложе. Сейчас тебе не дашь больше семнадцати.

— К сожалению, я немного постарше, — хмыкнула я и смутилась. «Почему бы этому типу не свалить отсюда поскорее?»

— Что-нибудь не так? — помолчав немного и приглядываясь ко мне, спросил Илья.

— Что? А... нет. Все нормально. — Я прихлебнула кофе, подавилась и закашлялась, а потом еще и чашку уронила. На Катькином дорогушем халате расплзлось пятно... В общем, дура я по полной программе.

Илья встал, подал мне полотенце, я вытерла им лицо, а он все еще нависал надо мной, внимательно разглядывая мою несчастную физиономию, потом поцеловал, осторожно и очень нежно.

— Правда, все нормально, — торопливо заверила его я. Он отличный парень, и виновата во всем я, с наследственным алкоголизмом в семье не хлещут шампанское бутылками.

— Между нами ничего не было, — вдруг заявил он. — Если тебя это утешит.

— Правда? — ахнула я и покраснела. «Как есть дура!»

— Правда, — усмехнулся он. — Ты сразу же уснула, и мне ничего не оставалось делать, как тоже

завалиться спать. Сплю я обычно нагишом. Решил, что и тебе в костюме спать неудобно, но ничего похожего на ночную рубашку не обнаружил. Вот и все. И не думай, пожалуйста, что иметь дело с пьяной леди для меня мечта всей жизни.

— Я не думаю, — заверила я с готовностью и неизвестно почему тут же добавила: — Спасибо.

— Пожалуйста, — усмехнулся он.

Если честно, у меня с души точно камень свалился.

— Кофе остыл, — сказала я. — Хочешь, приготовлю завтрак? Блинчики с медом. Хочешь?

— Нет, — покачал головой Илья, глядя на меня как-то чересчур пристально.

«Очки, — подумала я с досадой. — Надо было их сразу надеть. Соврать что-нибудь про глазную болезнь, неприятие яркого света». Недавно шел дождь, и сейчас все еще моросило, на кухне горел свет, несмотря на позднее утро.

Пока я сидела на стуле, размышляя, что бы еще такого сказать Илье, а главное, как бы вежливо от него отделаться, он шагнул ко мне, взял за руку, довольно грубо поднял и поцеловал, но на этот раз совсем не так, как несколько минут назад.

— Пойдем наверх, — сказал он.

— Я-я-я... — с трудом освободившись, начала я. — Видишь ли... Я ужасно себя чувствую и вообще... по-моему, ты женат.

— Да? — Он вроде бы удивился, подумал немного и кивнул: — В самом деле. Кажется, я совершенно забыл об этом.

— Вот-вот, — перевела я дух. — Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Наверное, твоя жена ломает голову, куда ты запропастился.

— Вряд ли.

— Как ты можешь быть уверен в этом?

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Видишь ли... — начала я, он кивнул и направился к двери.

— Хорошо. Я не имею привычки навязываться. Хотя ты меня, признаться, удивила. Я считал тебя человеком, которому совершенно наплевать на условности.

— Я мечтаю выйти замуж, — честно сказала я. — А моя мама всегда говорила, что, если девушка себя не сдерживает, это может плохо кончиться.

— Твоя мама — умная женщина, — хмыкнул Илья, надел пиджак, достал из кармана бумажник и положил визитку на тумбочку. — Если ты решишь, что слушать маму не всегда полезно, позвони.

Он сунул ноги в ботинки, а я вдруг заметила, что они сырые. Значит, дождь еще с вечера начался? Не помню никакого дождя. А что я вообще помню?

— Не хочешь поцеловать меня на прощание? — усмехнулся он.

— Лучше не надо, — вздохнула я.

— Конечно. Мама наверняка говорила, что поцелуи добром не кончаются.

— Да, что-то в этом роде.

— Что ж, надеюсь, ты все-таки позвонишь.

Я проводила его до входной двери, заперла ее и с облегчением вздохнула, потом бегом поднялась на второй этаж и припала к окну. Илья как раз подходил к своей машине. Боже, какой красавец. А я какая дура.

Я приуныла, наблюдая за тем, как машина развернулась, а затем и вовсе скрылась за углом, а вместе с ней скрылась и моя девичья мечта.

— Не повезло, — через пять минут констатировала я и, вместо того чтобы возблагодарить бога за

то, что все так благополучно закончилось, вновь принялась мечтать: вот если бы Илья не был женат и если бы я сразу сказала ему, что никакая я не Катька, что на самом деле... на самом деле я училка французского с копеечной зарплатой, которая штопает свои колготки и разбавляет лак для ногтей ацетоном, чтоб надолго хватило... и на кой черт это сокровище такому парню? — Ну и ладно, — вздохнула я и вроде бы даже прослезилась, то есть совсем уж было собралась зареветь по-настоящему, но тут зазвонил телефон. Я испуганно замерла, соображая, снимать трубку или делать вид, что я глухая. Телефон звонил все настойчивее, а я поняла, что трубку снять все-таки придется, схватила и пискнула: — Алло?

— Ольга? — услышала я голос сестрицы. — Спишь, что ли?

— Нет, — невероятно обрадовалась я, — уже встала. А ты откуда звонишь? Ты уже на Канарах?

— Накрылись Канары. Я со своим разругалась. В общем, пусть двигает к своей мымре, а я найду что-нибудь получше. Но ты не переживай, в Париж все равно поедешь.

— Какой к черту Париж, я тут...

— Помолчи и слушай, что сестра скажет. Завтра утром возьмешь такси и приедешь в Мотино, это пригород, километров пятнадцать... В одиннадцать я буду ждать тебя возле универмага, он в Мотине один, так что не спутаешь. Отвезу тебя в соседний райцентр и посажу на автобус. Считай, задание ты выполнила.

— Слушай, а почему бы тебе сюда не приехать?

— По кочану. Ты поняла, что я сказала? И давай без самодеятельности. Что это ты вчера за концерт устроила?

— Ты знаешь?

— Знаю. А тот красавец-мужчина, которого ты подцепила, давно ушел?

— У нас ничего не было, — торопливо заявила я.

— Разумеется. Короче, до завтра сиди дома, не то я чувствую, ты таких дел наворотишь...

— Хорошо... Катька, я не знаю, как это получилось. Честно.

— Ладно, не бери в голову. Все нормально. Завтра в одиннадцать возле универмага. Начинай мечтать о Париже.

Я повесила трубку и с облегчением вздохнула. Слава богу, вроде бы все кончилось. Сегодня сижу безвылазно в квартире, а завтра домой. Приключения, пожалуй, не для меня.

Я приготовила себе завтрак, съела его без всякого аппетита, а потом уставилась в окно. Дождь кончился, выглянуло солнце. Целый день в квартире без всякого дела — это тяжелое испытание. У Катьки в доме ни одной книжки, а сериалы я не люблю. Ничего такого не случится, если я прогуляюсь по городу. Глупо было тащиться за триста километров и даже не взглянуть на местные достопримечательности.

Через пять минут я убедила себя, что просто обязана это сделать. Переоделась, подкрасилась, нацепила очки и уже подошла к входной двери. И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Дверь вдруг распахнулась, на пороге возник здоровенный детина, а в следующее мгновение я уже летела по коридору от мощного удара кулаком в челюсть и приземлилась на ковер в весьма неприличной позе, успев лишь слабо охнуть и подумать: Катьку хотят ограбить.

О налетах на квартиры я читала, но никогда не